

Громыко Сергей Александрович

Кандидат филологических наук, доцент,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)

E-mail: ling2007@yandex.ru

Gromyko Sergey Alexandrovich

PhD in Philology Sciences, Associate Professor,
Vologda State University
(Vologda, Russia)

E-mail: ling2007@yandex.ru

**РАЦИОНАЛЬНАЯ
АРГУМЕНТАЦИЯ
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ
РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ)¹**

**RATIONAL ARGUMENTATION
IN NATIONAL DUMA
AT THE BEGINNING OF THE
TWENTIETH CENTURY
(AS EXEMPLIFIED IN THE
SPEECHES OF RUSSIAN
NATIONALISTS)**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности такого типа аргументации как рациональная аргументация в Государственной думе Российской империи. Устанавливается место данного типа аргументов в классической риторической практике. Выделяются пять основных доводов к вещи в выступлениях депутатов-националистов: обращение к юридическим источникам, к газетным публикациям, к стенограммам заседаний, к первоисточнику/свидетелю, к статистике/научному исследованию.

Abstract. This article considers the features of such type of argumentation as rational argument in National Duma at the beginning of the twentieth century. The article analyzes place of this type of argument in the classical rhetorical practice. There are five main arguments «ad rem» in the speeches of nationalists: appeal to the legal sources, to the newspaper publications, to the shorthand records of meetings, to the source / to the witness, to the statistics / to the scientific research.

Ключевые слова: риторика, парламентская речь, национализм, аргументация, прагматика, рациональный аргумент, политический дискурс

Keywords: rhetoric, parliamentary speech, nationalism, argumentation, pragmatics, rational argument, political discourse

Введение

Проблемы аргументации в политической речи традиционно привлекают внимание как отечественных [2], [3], [8], [9], [10], [11], так и зарубежных ученых [12], [13]. Риторическая аргументация в политической дискуссии – лучшая иллюстрация знаменитой мысли Аристотеля о том, что дело риторики не убеждать, но в каждом данном случае находить способы убеждения [1, с. 18]. Действительно, выбор и комбинация риторических средств убеждения могут быть настолько своеобразными, насколько сложна аудитория их воспринимающая.

Традиционно риторическая аргументация разграничивается с аргументацией логической, хотя и основывается на ней. Новые подходы к публичному общению, распространившиеся в XX веке, в той или иной степени указывают на «паралогич-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 16-34-01050/17 - ОГОН «Риторика русского национализма: воздействие, аргументация, образы (на материале публичных дискуссий начала XX века)».

ность», а иногда, как в случае с неориторикой Х. Перельмана, и вовсе на нелогичность аргументации в бытовом, политическом, масс-медийном дискурсе. Записи живой речи демонстрируют сплошной поток «неправильной», искаженной формальной логики несмотря на то, что воздействующий потенциал высказываний от этого вовсе не страдает. С Античности существует сложившаяся классификация риторических аргументов, в основу которой положен признак их отношения к компоненту речевого акта. «Что касается способов убеждения, доставляемых речью, то их три вида: одни из них находятся в зависимости от характера говорящего, другие — от того или другого настроения слушателя, третьи — от самой речи. Эти последние заключаются в действительном или кажущемся доказывании» [1, с. 19]. Таким образом, Аристотель заложил имеющуюся на сегодняшний день таксономию риторических аргументов: к этосу, к пафосу, к логосу. К этой же системе присоединяются и так называемые естественные доказательства, которые представляют собой эмпирические факты и показания свидетелей.

Применительно к совещательным речам (к которым по классификации Аристотеля относятся речи политические) актуально деление всех риторических аргументов на две группы: *argumentum ad rem* (доводы к вещи) и *argumentum ad hominem* (доводы к человеку). Аргументы *ad rem* представляют собой доводы, касающиеся сути обсуждаемого вопроса, и включают в себя естественные доказательства и рациональные аргументы и могут быть верифицированы слушателями или участниками дискуссии. Аргументы *ad hominem* включают в себя доводы к пафосу, то есть к чувству, к эмоциональной памяти, и доводы к этосу, то есть к моральному облику оратора, к обычаям, нравам. Аргументы к этосу и к пафосу сближает сложность их верификации, так как в основе каждого из них лежат оценочные суждения либо интерпретации.

Основная часть

В Государственной думе начала XX века аргументы *ad rem* использовались в основном в выступлениях, выдержанных в жанре доклада, что вполне объяснимо: доклад должен основываться на точных проверенных данных и опираться на статистику, научную литературу, мнения экспертов и первоисточники. Такой тип риторических аргументов был одинаково распространен в выступлениях всех агентов парламентского дискурса, как депутатов, представлявших слушателям итоги работы комиссий, так и членов правительства, отчитывавшихся перед Думой. Но в думских прениях, которые являются ядром парламентской риторики, депутаты гораздо чаще использовали аргументы *ad hominem*. Вопрос о соотношении в русской парламентской риторике этих двух типов аргументов на сегодняшний день остается открытым, однако можно с уверенностью говорить о том, что большинство сложных полемических целых, например в I Государственной думе 1906 года, развивалось по принципу угасания логических аргументов и нарастания аргументов к пафосу [7], то есть каждый следующий оратор старался быть эмоциональнее предыдущего, а оценочные суждения с развитием дискуссии все больше доминировали над попытками выстроить рациональные силлогизмы. В этом контексте особый интерес представляют выступления депутатов-националистов, которые стали не только политическими, но и риторическими лидерами в III Государственной думе — Н.Е. Маркова и В.М. Пуришкевича. Их речи в прениях содержат большое количество разнообразных аргументов к логосу, которые зачастую в рамках одной речи взаимодействуют с аргументами *ad hominem*. Рассмотрим основные разновидности рациональных аргументов в выступлениях депутатов-националистов.

1. Обращение к юридическим источникам: законам, уложениям, уставам. Кажется бы данный вид аргументов *ad rem* должен быть одним из самых востребованных в парламенте, ведь Дума имела законосовещательный статус и обсуждение того или иного нормативного акта было прямой обязанностью депутатов. В реальности же к этому аргументу прибегали в основном депутаты-националисты и некоторые наиболее юридически грамотные парламентарии. Так, при обсуждении вопроса о приостановлении депутатских полномочий одного из народных избранников, Н.Е. Марков закончил свое выступление следующим образом: *Я закончу самым простым образом, я только прочту статью 20 Учреждения Государственной думы. Что гласит статья 20? Она гласит: член Государственной думы временно устраняется в ее собраниях в случаях: а) привлечения к следствию или суду по обвинению в преступных деяниях, означенных в таких-то пунктах, и б) объявления несостоятельным должником впредь до определения свойства несостоятельности. Никакой условности тут нет, тут прямо говорится, что член Государственной думы временно устраняется в таких-то случаях. Отсюда ясно, что Думе надо проверить, подходят ли действия депутата Косоротова, в коих его обвиняют в этой статье; раз подходят, надо исполнить прямое веление закона* [5, с. 986]. Этот аргумент безусловно является сильным с точки зрения классического монологического выступления, однако он не является эффективным, так как ограничены варианты его предъявления.

2. Обращение к газетным публикациям для доказательства существования факта в реальности. Депутаты Государственной думы часто обращались к статьям в газетах и журналах, дабы задокументировать какое-либо происшествие, которое имело место чаще всего не в Петербурге и в Москве и которое так или иначе доказывало тезисы оратора. Распространенность данного риторического аргумента объясняется, во-первых, достаточно высоким уровнем доверия к печатным СМИ, в особенности к публикациям, посвященным жизни в провинции, во-вторых, представлением о «задокументированности» того факта, о котором пишут газеты, поэтому источник информации оратор практически никогда не скрывал. С другой стороны, выступающий мог не называть конкретного издания, но предъявить его публике, то есть просто показать с трибуны номер газеты. *«Нынешний статс-секретарь Финляндии Лансгоф, обращаясь с речью в день вступления в должность статс-секретаря Финляндии, говорил следующее — я цитирую из той шведской газеты, которая привела его речь целиком, восторгаясь ею. После представления его превосходительство обращался к собравшимся с речью на русском языке, с удовольствием выслушанной финляндскими чиновниками (читает): «В ней прежде всего он обратил внимание, что, после того как, благодаря высокому доверию Монарха, в настоящее, наполненное партийными раздорами время, он избран на ответственный пост министра статс-секретаря, он надеется оправдать это доверие...»* [5, с. 696].

3. Обращение к стенограмме заседаний — еще один распространенный аргумент *ad rem*. Он интересен тем, что в основе его лежит видимый демонстративный отказ от искажения мысли, высказанной оппонентом. На самом же деле цитата одного депутата другим по стенограмме практически всегда использовалась как основа для дальнейшего истолкования изначального высказывания и придания ему новых значений. *«Я вам прочту по стенограмме фразу, которую произнес член Государственной думы Родичев. Он сказал следующее: «Факты, которые оглашены здесь, в Государственной думе, и которые не подлежат никакому сомнению, о неправильности обложения крестьянских земель, они не выдуманы, они существуют, этот порядок вещей проведен, установлен и сохраняется все теми же лицами, у которых справедливость и интересы крестьянства на первом слове, на первой строке всего*

того, что они пишут, и на первом слове всего того, что они говорят». Значит, тверские земцы говорят, что это правда и что такие люди, которых он так охарактеризовал, это делали в земстве. В каких же земствах это делалось? У нас в Курской губернии и в наших соседних это, безусловно, не делалось» [6, с. 1913].

4. Обращение к первоисточнику/свидетельскому показанию. Эта разновидность риторического аргумента была особенно популярна у депутатов-националистов. Приведение в дискуссии этого довода предполагает, что он неоспорим, потому что его источник — свидетель или же изначальный создатель, инициатор какого-либо явления или факта. Это так называемый «естественный» аргумент. Так, например, во время прений о неэффективности использования Морским министерством буксиров, некоторые депутаты возражали, что на судах стоят новейшие изобретения русской инженерной мысли — котлы Табулевича. Тогда депутат Н.Е. Марков в перерыве между заседаниями отыскал самого изобретателя котлов инженера В.В. Табулевича. Марков: «...поднявшись во время перерыва на хоры, я совершенно неожиданно для себя познакомился с генерал-майором Табулевичем, который слышал опровержения контр-адмирала Бострема и заявил мне, что котел, им изобретенный, проектирован им для нефтяного отопления, но был поставлен на угольное отопление по требованию министерства». [5, с. 1418].

5. Обращение к статистике и научным исследованиям. Эта разновидность доводов использовалась лишь некоторыми депутатами, риторический идиостиль которых предполагал четкую рациональную аргументацию со ссылкой на источник исследования. «Писатель, которого здесь налево, вероятно, не особенно ценят, но которого я лично уважаю и мыслям которого придаю большое значение, бывший министр земледелия Ермолов исчисляет, правда, не вполне точно и не вполне научным способом, но если и ошибается, то в низшую сторону, а не в высшую, этот писатель исчисляет количество денег, зарабатываемых крестьянством на землевладельческих экономиях в 705 000 000 руб. в год, в то время когда чистый доход тех же крестьян от их надельных земель он исчисляет во всей России в 441 000 000 руб.» [4, с. 211].

Выводы

Таким образом, рациональные риторические аргументы в дискуссии дореволюционной Думы были явлением не массовым, а скорее индивидуальным: если не брать в расчет выступления в жанре доклада, последовательно их использовали лишь некоторые ораторы, которые считали обязательным компонентом убедительности речи ее доказательность. Особый интерес представляет тот факт, что рациональная аргументация активно использовалась в речи правых депутатов, несколько меньше — в выступлениях центристов и была редкостью в риторике левых парламентариев. Структура рациональных доводов специфична: ядром этого типа аргументов было обращение к юридическим источникам и газетным публикациям. Персуазивный потенциал рациональных аргументов в думской речи начала века заключался в том, что их использовали в тех случаях, когда необходимо было убедить аудиторию в реальности того или иного факта действительности или доказать законность или незаконность предлагаемых Думой мер. Кроме того, рациональные доводы требовали от оратора глубокого изучения сути вопроса и серьезной подготовки, именно поэтому данные аргументы были частотными в докладах и редкими в спонтанных прениях.

Литература

1. Аристотель. Риторика // Античные риторики / под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Изд-во Московского ун-та, 1978. С. 15–166.

2. Бикметова Т.И. Проблема аргумента AD HOMINEM в логике и политике // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. №1–3.
3. Волков А.А. Основы риторики. М.: Академический проект, 2003. 304 с.
4. Государственная Дума 1906–1917: Стенографические отчеты. М., 1995. Т. III. С. 208–218.
5. Государственная дума Российской империи. Третий созыв. Сессия I. СПб., 1907. 4895 с.
6. Государственная дума Российской империи. Третий созыв. Сессия I. СПб., 1908. 3268 с.
7. Громыко С.А. Приемы и средства речевого общения в I Государственной думе 1906 г. Вологда, 2010. 215 с.
8. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 151–240.
9. Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. М.: Никколо-Медиа, 2002. 313 с.
10. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта. Наука, 2006. 320 с.
11. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
12. Diik T.A.V. *Studies in the pragmatics of discourse*. The Hague etc.: Mouton, 1981. 285 с.
13. Perelman C. and Olbrechts-Tyteca L. *The new rhetoric: A treatise on argumentation*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1969. 340 с.

References

1. Aristotel'. *Ritorika* [Rhetoric]. *Antichnyie ritoriki* [Ancient rhetoric]. Moscow, 1978, pp. 15–166.
2. Bikmetova T.I. Problema argumenta AD HOMINEM v logike i politike [The problem of argument AD HOMINEM in logic and politics]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2012, no. 1–3.
3. Volkov A.A. *Osnovy ritoriki* [Foundations of rhetoric]. Moscow, 2003. 304 p.
4. *Gosudarstvennaya Duma 1906–1917: Stenograficheskie otchety*. [Russian Imperial State Duma 1906–1917: Verbatim records]. Moscow, 1995, pp. 208–218.
5. *Gosudarstvennaia duma Rossiiskoi imperii. Stenograficheskie otchety. Tretii sozyv. Sessia I*. [Russian Imperial State Duma. Verbatim records. Third convocation. Session I]. St Petersburg, 1907. 4895 p.
6. *Gosudarstvennaia duma Rossiiskoi imperii. Stenograficheskie otchety. Tretii sozyv. Sessia I*. [Russian Imperial State Duma. Verbatim records. Third convocation. Session I]. St Petersburg, 1908. 3268 p.
7. Gromyko S.A. *Priemy i sredstva rechevogo obshcheniya v I Gosudarstvennoi dume 1906 g.* [Techniques and means of verbal communication in the I State Duma]. Vologda, 2010. 215 p.
8. Kitaigorodskaya M.V., Rozanova N.N. *Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya* [Modern political communication]. *Sovremennyy russkii iazyk: sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya* [Modern Russian language: social and functional differentiation]. Moscow, 2003, pp. 151–240.
9. Khazagerov G.G. *Politicheskaya ritorika* [Political rhetoric]. Moscow, 2002. 313 p.
10. Chudinov A.P. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Moscow, 2006. 320 p.
11. Sheigal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, 2004. 326 p.
12. Diik T.A.V. *Studies in the pragmatics of discourse*. The Hague etc.: Mouton, 1981. 285 p.
13. Perelman C. and Olbrechts-Tyteca L. *The new rhetoric: A treatise on argumentation*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1969. 340 p.

Громыко С.А. Рациональная аргументация в Государственной думе Российской империи (на материале выступлений русских националистов) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 80–84.

For citation: Gromyko S.A. Rational argumentation in national duma at the beginning of the twentieth century (as exemplified in the speeches of russian nationalists). *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 80–84.